

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Константин Радов

Секретные гаубицы Петра Великого

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2015

УДК 82-344
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
Р 15

Разработка серии *П. Волкова*

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *П. Ильина*

Радов, Константин.

Р 15 Новоросс. Секретные гаубицы Петра Велико-
го / Константин Радов. — Москва : Яуза, Эксмо,
2015. — 416 с. — (В вихре времен).

ISBN 978-5-699-77952-9

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров «Оружейник» и «Миноносец»! Гениальный изобретатель на службе Петра Великого модернизирует Россию, как боевую машину или артиллерийскую систему, дабы петровские преобразования и войны обошлись меньшей кровью. Но после ссоры с царем попадает под арест и в опалу..

Как ему выжить в застенках Петропавловской крепости и вырваться из ссылки? Сможет ли он доказать свою полезность Империи в баталиях против турок, персов и кавказских горцев? Удастся ли ему разгромить османский флот в Керченском проливе и «прорубить окно» в Крым и Новороссию на полвека раньше срока?

УДК 82-344

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Радов К., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-77952-9

Глава 1

DE PROFUNDIS

В чем Россия безнадежно уступает иным государствам — так это в части тюремного устройства. Особенно если говорить о тюрьмах для благородных узников. Бастилия! Тауэр! Семибашенный замок! Вслушайтесь в эти гордые имена. Или взять Пьомби в Венеции: сие узилище таким образом примыкает к Дворцу дождей, что из властительских палат можно перейти туда или обратно, совсем не выходя под вольное небо. Знатные люди, разошедшиеся во мнениях с правителями, могут скучать там долгие годы. У нас же после скоротечного розыска виновные отправляются либо в Сибирь, либо на плаху. Едва успели вывезти из Трубецкого бастиона тело несчастного царевича и водрузить на колья головы его сторонников, как оберкомендант Михаил Осипович Чемезов вновь занял помещения под провиант. С появлением надобности — опять освободил. Бочки и рогожные кули вытаскивали наружу у меня на глазах. Самые камни доставшегося мне каземата, казалось, провоняли кислой капустой и гнилым луком. Уж лучше бы самая мрачная темница: как-то недостойно сидеть запертым в провиантском чулане. Валяясь на соломе, словно исторгнутый из грядки порченный овощ, мудрено сохранить высокий строй мыслей и не превратиться в жалкую тварь, озабоченную лишь сохранением своей никчемной жизни.

Будущее мое терялось в тумане. Отказавшись, вопреки царскому приказу, вернуть помещикам принятых в ландмилицию беглых мужиков, я выказал тем самым прямое неповиновение. По букве воинских артикулов за это полагалась казнь. Однако столь суровое обращение с иностранным подданным отпугнуло бы других наемников, привлечение коих в русскую службу обходилось государю недешево. К тому же слишком много значительных прожектов держалось на мне. Так что вероятность смерти не следовало преувеличивать, хотя совсем исключить было нельзя. Петр — он такой. Сначала отрубит голову, потом в уста поцелует. Это у него запросто. Стало быть, шансы — как в бою.

Розыск по делу затянулся, чего в силу простоты и очевидности преступления никто не ожидал. А вот пожалуйте — стоило государю запереть опального приближенного в крепость, как вдогонку посыпались доносы. Господи, какого только вздора в них не было! Обиднее всего показалось утверждение Ефима Никонова, что его подводное судно доселе не построено лишь из-за чинимых мною препятствий. Генерал-майор Гинтер, помощник Брюса, не преминул воспользоваться случаем, чтобы возложить на меня вину за неудачи со сверлением пушек. Поверить подобным упрекам — так выйдет, что граф Читтанов ничем, кроме строения пакостей, не занимался, а без его вредоносного вмешательства российская артиллерия давно бы достигла недостижимых высот совершенства. Как только Яков Вилимович позволил подчиненному нести этакую чушь?! Уж он-то человек благородный, происходящий от королей... Хотя, по правде сказать, происходящий через бастарда — поди докажи, что предок подлинно королевской крови, кто там при его зачатии свечку держал...

Впрочем, приходила и такая мысль, что доносы могли инспирировать друзья специально для моего спасения от казни. Вердикт военной коллегии не вызывал сомнений, но артикулы намеренно составлены с избытком жестокости, чтобы дать возможность монарху регулярно выказывать милосердие. Смертный приговор требует утверждения государем. Если бы светлейший и его клеветы успели провести суд быстро, пока царский гнев не остыл, — опасность потерять голову была бы весьма велика. Чем больше затяжка, тем вернее разум царя возобладает над чувством и соразмерно на большее смягчение приговора можно рассчитывать. Пока коллегия разгребала вылитое на меня дерьмо — Петр укатил в Лифляндию, и угроза отодвинулась: он не подтверждал судебные решения заочно и уж тем более не позволял казнить высокопоставленных лиц в свое отсутствие.

Теперь оставалось ждать. Ждать и надеяться. Два или три месяца — срок немалый. Со слов Головина ведомо было, что раньше государь не вернется. Мучили бесплодные думы о том, как глупо я позволил себя обыграть. Ссора с царем явно была подстроена, понять это задним умом труда не представляло. Кто постарался? Вряд ли Меншиков: многие предупреждали об опасности со стороны князя, но... Слишком тонко для него. Данилыч прямолинеен и нагл, изучать слабые стороны противника — ниже его достоинства. А здесь чувствовался умнейший интриган, способный читать меня, как открытую книгу. И государя тоже.

Пока Петр был молод, излишества по части вина и женщин сходили без последствий — но с возрастом стали дурно влиять на здоровье и заметно нарушать душевное равновесие. Когда развратная Авдотья Чернышева наградила любимого монарха малой венерической неприятностью, кнута отведали многие, кто в

иных обстоятельствах отделался бы словесным выговором. С тех пор проблемы со стороны телесного «низа» периодически у него повторялись. Враги, несомненно, знали, насколько легким на гнев бывал государь в такое время, и выбрали подходящий момент, чтоб донести о неисполнении указов. Столь же безошибочно они взяли в расчет мое упрямство при защите своих людей.

В общем, на дворцовом паркете прославленного генерала побили, как младенца. С таким изяществом, что даже не угадаешь, чьей рукой нанесен удар. Светлейший имел причины меня ненавидеть, но манера действий не отвечала его обыкновениям. Толстой или Головкин? У этих коварства хватило бы, только с какой стати? Чем я им навредил? Вторжение в компетенцию возглавляемой Толстым коммерц-коллегии — да, планировал, однако узнать об этом ему было неоткуда. Предположение, что старый дипломат способен вычислить мои шаги из общих соображений, награждало его сверхъестественной проницательностью, подобающей разве Богу или дьяволу. Впрочем, Петр Андреевич если в чем и уступал врагу рода человеческого, то совсем немного. Погубить меня просто так, на всякий случай, или для угождения Меншикову — с него случилось бы.

Всякий, кто стоит достаточно близко к трону, должен быть готов отстаивать свое положение. В этой борьбе человек, занятый делом, обязательно проиграет тому, кто любит власть ради самой власти и сопряженных с нею корыстных преимуществ. Проиграет просто по недостатку досуга для интриг. Глядя на разрушенную карьеру ретроспективно, из тюремного каземата, я удивлялся не тому, что свалился в пропасть, а тому, как долго судьба меня миловала. Слишком многим наступил на ноги, проталкиваясь в первые ряды.

Спасало до поры лишь благоволение государя да покровительство князя Ромодановского. Пока Федор Юрьевич был жив, призрак его витал надо мной, подобно ангелу-хранителю, — однако за три года, прошедшие после смерти, рассеялся и перестал внушать страх.

Холодную весну сменило серенькое петербургское лето. Предвестием загробной праздности влачились бессмысленные дни, еще мучительней — одинокие ночи. Жизнь проходила мимо.

Кстати, о призраках. Однажды, утомившись бороться с бессонницей, я заметил, что противоестественный полуночный свет, сочащийся из крохотного оконца под потолком, словно избегает угла, в коем сгустившийся мрак, казалось, скрывал нечто в своих недрах. Никто живой не мог бы проникнуть в темницу незамеченным, без лязга железных засовов — мне почти удалось себя убедить, что это всего лишь игра больного воображения, достойная старых баб и не подобающая боевому офицеру, — но непонятный страх продолжал сковывать члены. Даже глядеть во тьму не хватало духу. Ощущение чужого присутствия стало нестерпимым.

— В-ваше В-в-высочество?

Голос тонкий и дрожащий. Господи, неужели это мой?! Волна стыда прокатилась по жилам, преобразившись в гнев на собственное малодушие и подбросив на ноги, подобно стальной пружине. Страх пропал с первым сделанным шагом — впрочем, сие не помешало с тревогой коситься поутру на подозрительный угол. Глупое суеверие, что души принявших насильственную смерть привязаны к месту гибели, не имеет оснований — иначе поля сражений кишели бы ими. Однако... Почему бы мыслям и страстям человеческим не иметь вещественным носителем некую

тонкую эманацию, способную какое-то время существовать отдельно от породившей ее персоны? Не ведаю, подлинно ли несчастный царевич окончил земное поприще в этом самом каземате. Напрасно я стал бы добиваться ответа у своих стражей — им под жестокою казнью запрещено говорить с узниками. Зато покойный царевич на долгое время стал верным, хотя и безмолвным, моим собеседником.

— Нет, дорогой мой Алексей Петрович! Не буду покаянных грамот писать, даже не уговаривай. Сам посуди: ты разве недостаточно каялся?! И что, помогло тебе это? Прикажешь от батюшки по заповеди Господней прощения ждать?! Молчишь? То-то же! Нет ему дела до Христа. И никому нет на Руси. Сказано: человек — образ и подобие Божие. А коли так — которые людьми торгуют, они-то чье подобие суть? Иуды Искариота?!

Вот скажи, друг мой разлюбезный... Прости фамильярность, но у вас там, наверно, — без чинов? Ну, слушай: общепризнано у христиан, что большой грех — держать единоверцев в рабстве. Разве на негров сие правило не распространяют. Магометане, и те... Да, я им враг непримиримый — но справедливость следует отдавать даже врагам. Они правды держатся: раб, принявший магометанский закон, получает волю. Только у нас... Да черт с ней, с Венецией! У нас — значит в России. Так вот, У НАС ни один блюститель веры не видит морального препятствия тому, чтобы продать такого же русского, православного человека на уездном базаре прямо с воза. Ни один сукин сын не видит! И церковь — мало того, что не осуждает, — САМА рабами владеет.

Знаешь, чего я боюсь?

А ведь боюсь взаправду! Понимаешь, вот жители Содомы и Гоморры... Уверен, они даже не задумыва-

лись о греховности своей жизни. Привыкли. Не одним днем обычаи установились. Жили по старине. Вдруг ка-а-ак шар-р-рахнет!

Сколько нам времени на покаяние да исправление отпущено, никто не знает. Скажу одно: коли Бог есть и правит миром, а мы от сей неправды не отстанем — России несдобровать. Ну а ежели Его нет... Несдобровать тем боле!

Днем разум вроде бы сохранял ясность, но в сумеречные часы не раз приходило ощущение, что прозрачный мой визави вот-вот ответит. Что делали экспедиторы Тайной канцелярии, подслушивая монологи, обращенные в пустой угол? Выискивали крамолу в словах опального генерала или докладывали начальству о помрачении его ума? А ты, любезный читатель, — тоже, небось, вертишь перстом у виска? Попадешь в мое положение (не приведи, конечно, Господь!) — уверен, что не начнешь вести светские беседы с тюремными мышами и тараканами?

Дни складывались в месяцы. Лето проминовало. Царь должен был давно вернуться из Риги — но обо мне, похоже, забыли. Однажды грохот пушек и отсветы отдаленного фейерверка достигли моего чулана в неурочный день. Война шла своим чередом: кто-то одержал новую викторию, а я мог только гадать о подробностях оной.

Несколько дней спустя ржавые петли завизжали веселей обычного, и глядящий деревянным идолом караульный офицер молча показал рукою на выход. Казнь или милость?! Узникам никогда не говорят заранее. Царь любит устраивать театр на эшафоте: обычно помилование объявляют, когда голова преступника лежит на плахе, а палач размахнулся для последнего удара. Или даже так: лезвие топора со свистом

опускается, сокрушая невинное бревно рядом с виновной шеей — и только после сего жертва слышит о смягчении приговора.

Однако эшафот, похоже, откладывался. Не успели унять кружение головы от бескрайнего неба над головой, опьянение от свежего воздуха и восторг от капель дождя на щеках — уже пришли. Двое конвойных солдат замерли у двери снаружи, другая пара сопровождала в присутствии и стала обочь, сторожко косясь на меня. Сидящий за столом секретарского вида невзрачный субъект не повел бровью и не поднял глаз от бумаг. Выждав достаточно времени, чтобы дать опальному вельможе прочувствовать собственное ничтожество перед ним, грозным вершителем судеб, он пробормотал что-то невнятное себе под нос. Я улыбнулся ответно с невольным дружелюбием, коим встречаешь каждое живое существо после месяцев одиночного заключения. Тайный канцелярист оскалился, подобно бешеной крысе:

— Ты чего, слышишь плохо?! Отвечай, вор, когда тебя спрашивают! Не то под кнутом говорить будешь!

Бледная кожа пошла розовыми пятнами — от гнева, что перед ним не трепещут. Слипшиеся сосульки белобрысых волос выбились из-под дешевого парика.

Там, куда указывал немый палец с обгрызенным ногтем, действительно висел прикрепленный к потолку корабельный блок — атрибут усовершенствованной дыбы. После смерти князя Федора Юрьевича новомодные инвенции не обошли и пытошное дело.

Какое-то время я глядел на исходящего злобой экспедитора с недоумением — ну не готов был ответно разозлиться, и все тут! Механизм души без употребления ржавеет, надобно раскрутить его о других людей, чтобы вернуть способность производить те или иные чувства.

Допросчик мой, утратив надежду застрашать взглядом, перешел к словам:

— Ведомо нам из доношений многих людей о богопротивном чародействе и чернокнижестве, посредством коего ты на государево здравие злоумышлял, имея с диаволом действительное обязательство...

Медленно, как тяжелая чугунная болванка, накалялась ярость. Рассеянный взгляд мнимого чародея скользил по бритому кадыку чиновника. Схватить за горло, может быть, и получится — но удавить преображенцы не дадут. Фузею у солдата отнять? Не выйдет, ослаб сидючи-то... Корм идет из одного котла с гвардейцами — а сил нету... В чем причина? Отравление миазмами, по Сильвию де ла Боз, или же слабость идет от недостатка моциона, как считал Джироламо Меркуриали?

Ну ни хрена себе обвинения! Чародейство при действительных сношениях с дьяволом по артикулам означает костер. Правда, статья эта мертвая: не припомню случая, чтобы кого-нибудь за то сожгли... Как бы ради меня ее не оживили! О покушении на здравие государево — что и говорить. Колесование, без послаблений!

Вот интересно, а что вдруг мои враги засуетились? Отсечение головы их уже не устраивает — или вопрос с помилованием решен, и они боятся мести? Правильно боятся: дайте только выбраться отсюда... Христианское милосердие? Правила чести? Забудьте! В турецкой войне мне не мешали подобные ограничения — а эти господа хуже турок. Намного хуже!

Чего там писарченочек из Тайной канцелярии от меня хочет?

— Говори, вор!

— Обращайся ко мне «ваше сиятельство», если желаешь получить ответ. Достоинство графа Священной Римской империи даже государь Петр Алексеевич от-

нять не может. А сие означает, что верховный суд надо мной принадлежит имперскому сейму в городе Регенсбурге.

— С-с-е-е-йму!.. На дыбе тебе будет сейм, твое хуятельство!

Он еще долго и гнусно сквернословил, однако легко было догадаться, что перейти от угроз к делу допросчик при всем желании не может: не дозволено. Все это пахло обманом и подвохом. Да что там пахло — воняло, как в гошпитали для скорбных животом! Привести узника в бешенство и заставить броситься врукопашную — а там стража его вправе и насмерть прибить. Сам виноват окажется!

Ловушка примитивная, но едва не сработала. Ночью в каземате сосчитал, сколько будет дважды два: все стало понятно. Шведы воевать не могут, потому что у них денег нет. Мир означает амнистию. Судя по всему, мирный трактат либо уже ратификован, либо проходит последнюю шлифовку перед высочайшим одобрением. Вытерпеть еще немного, и государь меня простит. А я его? Не знаю, посмотрим. Большого дурака сваял, что не подготовил запасную позицию за границей — теперь, ежели уехать из России, придется все с нуля начинать.

Человек предполагает... Усталость и тяжесть в груди, давно меня угнетавшие, день ото дня усиливались; к ним прибавились боли в суставах, начали кровоточить десны. Видал такое прежде — цинга! Нет худа без добра: сонная апатия, сопутствующая этой болезни, помогала стойчески переносить неприятельские потуги добавить мне новую статью. Навесят колдовство? Чушь, колдовства не бывает. Сожгут? Пусть — хотя бы согреюсь перед смертью! Ночи становились все холоднее. Зарывшись в гнилую солому и натянув всю

свою одежду, я стучал зубами при самой легкой прохладе... Если амнистия задержится — зиму не переживу. Еще полгода назад переносил такую погоду без малейших неудобств — здоровья хватало...

К цинге прибавился сухой, злокачественный кашель, через неделю перешедший в кровохарканье. Начался жар, лихорадка помрачила разум. Сколько дней минуло в полубреду? Бог знает... В моменты просветления посещала мысль, что мне, всего скорее, из крепости не выйти, — но не вызывала протеста. Люди смертны. Раньше или позже — не все ли равно? Жизненные силы иссякли.

Освобождения не помню. Или очень смутно. Куда меня тащат? Оставьте наконец в покое, мучители! Худая телега влачится по непролазным осенним лужам. Щелястый потолок из некрашенных досок, стены не лучше — отовсюду дует. Гарнизонная гошпиталь? Важный немец щупает пульс. Вроде бы раньше его видел, и даже помнил, как зовут... Неважно, черт с ним! Из-за спины доктора слышны мучительные стоны: схватившись руками за живот, корчится на постели долговязый детина в исподнем. Усатый подлекарь подносит ему ипекакуану, заставляет пить. Я счастливей соседа: на мою долю достается рюмка лауданума. Блаженное забытье растекается по членам...

...Тусклая лампада над соседней кроватью не в силах разогнать мрак. Из-под казенного одеяла торчит мосластая нога, бледная, как у битой курицы. Остальное загораживают две плотных спины.

— Отмучился. А с тем что делать будем? Коли он тут залежится — как бы беды не нажить. Дохтур-то чего сказал?